

ТРИ ДНЯ В СТАМБУЛЕ

Международные дискуссии о кризисе неолиберализма и будущем марксизма в интерьере турецких базаров и не только

Статья первая

*Дзасаров Руслан Солтанович —
д.э.н., ведущий научный сотрудник
ЦЭМП РАН*

Лайнер «Аэрофлота», завершавший рейс Москва-Стамбул, вынырнул из облаков и начал быстро снижаться прямо над турецкой столицей. Пассажиры прильнули

к иллюминаторам. Видимо, самолет пролетал над новой частью города — под нами были блочные многоэтажки: этажи наступали на этажи, крыши шагали по крышам, маленькие, как спичечные коробки, автомобили пробирались по узким улочкам, а люди величиной с муравьев были почти неразличимы. Зато там и сям округло сияли купола многочисленных мечетей. Моря не было видно. Еще чужой и незнакомый нам город жил своей непонятной жизнью, погруженный в свои проблемы, и не обращал внимания на наше приближение. Здесь нам предстояли три дня напряженных встреч, знакомств с новыми людьми и идеями, богатых, порою острых впечатлений.

Когда ты внезапно вырван из рутины привычной жизни и брошен всего на два-три дня в совершенно новую среду, это всегда стресс. Время как бы замедляется, каждая минута может принести неожиданную встречу или поставить в непредвиденную, не всегда приятную ситуацию. Сжатое время наполнено массой событий, которые ты не всегда способен на месте поделить на важные, второстепенные и ничтожные. Это происходит позже, когда, уже вернувшись в свой привычный мир, ты спокойно раскручиваешь клубок воспоминаний, и удивляешься тому, как много всего произошло за те, по сути, несколько часов, которые протекли стремительно, почти без перерыва. Ниже я пытаюсь представить некоторые идеи и впечатления, которые показались мне интересными и которыми оказались так богаты мои три дня в Стамбуле. Разумеется, эти заметки носят чисто субъективный характер, и другой человек на моем месте увидел бы многое другое (может быть, более интересное) или о том же самом сказал бы иначе.

«Неолиберализм и кризис экономической науки»

Так называлась международная конференция, организованная на базе Стамбульского университета «Международной инициативой по продвижению политиче-

ской экономии»¹, Турецкой ассоциацией общественных наук и принимающим университетом 20–22 мая 2011 г., на которую мы и прибывали. Это уже вторая конференция ассоциации, объединяющей неортодоксальных экономистов, т. е. тех, кто не приемлет неолиберализм, или «неоклассическую ортодоксию», выражаясь языком экономистов. Главным образом это представители двух родственных течений: марксизма и посткейнсианства. Было представлено около 170 докладов, подготовленных участниками конференции, прибывшими из более чем 30 стран, главным образом европейских, но также из США, Канады, Мексики, Бразилии, Аргентины, Ирана, Тайваня, Таиланда, Туниса, Южной Африки и т. д. Разумеется, было много турецких коллег. Скрамную российскую делегацию составили проф. А. В. Бузгалин (МГУ), проф. М. И. Воейков (Институт экономики РАН) и автор этих строк. (Для сравнения: из гораздо более далекой Бразилии прибыл внушительный отряд левых экономистов в числе десяти человек.)

Меня могут спросить: стоило ли за свой счет лететь в соседнюю страну для участия еще в одной научной конференции, когда это удовольствие можно гораздо легче (и дешевле) получить дома? Мой категорический ответ состоит в том, что, безусловно, стоило, даже если бы это было вдвое дороже. Действительно, в России последнее время мы кружимся буквально в каком-то карнавале конференций, одна другой крупнее да солидней, и все на самые серьезные и актуальные темы: все про инновации, да модернизации. Однако будем откровенны – качество этих научных форумов невелико, и польза от участия в них не очень значительна. Начнем с того, что количество конференций, презентаций, семинаров и обсуждений так велико, что подготовиться к ним качественно просто невозможно. Как правило, на них собираются люди, мало знакомые между собой и излагающие каждый свое независимо от других. Слушают друг друга мало, содержательная полемика возникает редко. Случайные люди, не принадлежащие ни к каким конкретным школам, собрались вместе, изложили свои, как правило, кустарные соображения и разошлись навсегда, не оказав друг на друга никакого влияния. Часто значимость события стараются повысить приглашением именитых людей, сидящих в президиуме некоторое время (как правило, видные ученые начальники очень заняты и, осчастливив присутствующих своим, обычно мало подготовленным выступлением в пленарной части конференции, быстро исчезают после перерыва: «Извините, дела»). Таков наш тип научного форума. Конференция в Стамбуле была событием во многих отношениях совершенно иного рода.

Начать надо с того, что она собрала специалистов из разных стран и с разных континентов, объединенных принадлежностью к близким неортодоксальным школам

¹ International Initiative for Promoting Political Economy (IIPPE). См. сайт этой организации: http://www.iippe.org/wiki/Main_Page. Там же можно найти материалы обсуждаемой конференции.

мировой экономической мысли. Их объединяет не только общая политическая позиция – неприятие современного капитализма и уклон в левые идеи, – но и близкая научная методология, а также знание работ друг друга. Несмотря на это, конференция готовилась почти год. Большинство докладов было представлено заранее в письменном виде. Они рассматривались специально созданными рабочими группами по основным поставленным проблемам. Отбор представленных работ осуществлялся в соответствии с высокими международными академическими стандартами. Каждый из трех дней конференции проходило четыре сессии по полтора часа, причем параллельно работало 4–5 секций. На каждой из них делалось не более трех докладов по 15–20 минут. Остальное время предоставлялось для дискуссии. Во время общих обеда, ужина и кофе-брейков было много возможностей для продолжения общения в неформальной обстановке. Самое же главное – то, что конференция – это массовый форум *сообщества* ученых, а не отдельных индивидов с раздутым *ego*, тянущих науку кто – в лес, кто – по дрова. Можно выделить общие основы понимания кризиса мировой экономики, которые более или менее общеприняты в этой среде. Можно наметить основные нерешенные дискуссионные вопросы. Можно обнаружить близкие методологические позиции, применяемые ко всем основным проявлениям кризиса. Наконец, можно отметить демократизм этой научной среды. Здесь тоже есть свои авторитеты, которым поручается делать основные доклады на пленарном заседании. Но они, во-первых, тщательно готовят свои выступления, как и все, представляя их заранее в письменном виде, а во-вторых, никогда не уходят после своих докладов, активно работая в других секциях как рядовые участники. Это и есть международное сообщество, коллектив интеллектуалов, делающих общее дело – разрабатывающих современное научное мировоззрение, объясняющее основные проблемы мировой экономики в определенном русле. Подобные форумы являются смотрами достигнутого с момента предыдущей конференции и предоставляют возможность взаимовлияния ученых, этой «ферментации» научной мысли. Если мы будем честны, то признаем, что ничего подобного в России мы не имеем.

Главное впечатление, которое начало складываться у меня еще в ходе конференции, но окончательно оформилось уже после, на этапе обдумывания ее результатов, состоит в том, что неортодоксальная экономическая наука за рубежом, и прежде всего – ее марксистская ветвь, переживают заметное оживление и рост. Если мои впечатления верны, то скоро мы станем свидетелями их значительного подъема, существенно меняющего конфигурацию школ в мировой науке. Мое мнение основывается на целом ряде наблюдений за конференцией.

Во-первых, сообщество представленных на этом форме ученых выдвинуло обобщающую концепцию современного кризиса мировой экономики, которая, на мой взгляд, по концептуальной стройности и глубине, а также по способности объяснить эмпирическую реальность намного превосходит взгляды, предложенные мейнстри-

мом. Представленные доклады по-новому сформулировали целый ряд старых положений марксизма, что позволило оригинально истолковать процессы, определяющие современную мировую экономику. Во-вторых, среди участников форума было большое количество незападных ученых, предложивших марксистский взгляд на проблемы своих стран и континентов. Прежде всего, речь идет о выходцах из Азии и Латинской Америки. Знаменательно и само место проведения конференции – город на самой границе Востока и Запада, представляющий собой естественный не только географический, но и культурный мост между двух миров. Это значит, что в момент, когда претензия ортодоксии на универсальность оказывается все более скомпрометированной, неортодоксальная мысль приобретает все более интернациональный характер, отражая опыт незападных культур и народов. В-третьих, на нынешнем форуме число участников заметно выросло по сравнению с предыдущей конференцией на Кипре девять месяцев назад. Было представлено на 30 докладов больше. Это значит, что привлекательность марксизма как мировоззрения стремительно растет. Вывод о динамизме этой школы мысли подтверждается также складыванием и быстрым ростом международных исследовательских сетей, объединяющих ученых разных стран по отдельным направлениям исследований. Например, есть эффективная сеть исследования финансов. В-четвертых, – по месту, но не по важности, – на конференции было представлено большое количество молодежи. Это не студенты, поскольку конференция научная, а не учебная. (Впрочем, в аудиториях было много турецких студентов, которым не требовалось далеко ехать, чтобы поприсутствовать на заседаниях.) В нашей классификации это докторанты (пишущие PhD)² и доценты. Присутствие такого количества молодежи на чисто теоретической конференции удивительно для сотрудника Российской академии наук, на форумах которой в зале дремлет в основном общественность преклонного возраста. А вот за рубежом марксистский подход все больше привлекает ищущих, развивающихся людей, склонных к критическому мышлению.

Таким образом, марксизм, который я увидел в Стамбуле, предстал молодым, динамичным, многонациональным и многообещающим течением современной мировой экономической мысли.

² Я оставляю в стороне распространенное в нашей академической среде заблуждение, что, мол, их PhD это всего лишь наша кандидатская. В эпоху резкого падения отечественных академических стандартов, массовой защиты написанных за деньги диссертаций, поддельных дипломов и т. д. распространенность этой иллюзии является лишь еще одним проявлением нашей изоляции от мирового исследовательского сообщества.

Почему марксизм?

Прежде чем объяснять, в чем конкретно состоят основные интеллектуальные достижения прошедшего форума, мне потребуется сделать одно личное отступление.

Помню, как в свои далекие студенческие 1980-е годы, изучая марксизм из рук школы МГУ, я был сильно впечатлен стройной гегельянской логикой, последовательностью и глубиной этого учения. Однако в частных разговорах я высказывал сомнения в том, что мы вправе называть марксизм наиболее адекватной научной картиной мира, а себя считать его законными выразителями. (Разумеется, я беседовал об этом лишь с близкими друзьями, ибо в СССР публично озвучивать свои даже малейшие и даже сугубо «научные» сомнения в абсолютной верности официальной идеологии было отнюдь не безопасно.) И дело было вовсе не в том, что, как думают многие, только совокупность разных подходов позволяет выработать объективную картину реальности. Я всегда считал, и убежден сейчас больше, чем когда-либо, что наиболее фундаментальные проблемы мировоззрения – что такое свобода, истина, справедливость, – как и вытекающий из них смысл понятий капитализма и социализма, плана и рынка, требуют однозначного и определенного решения. Популярная ныне позиция «отказа от измов» представляется мне проявлением главного недуга современной российской интеллигенции – интеллектуальной трусости и банального конформизма. Таким образом, популярная сегодня интеллектуальная всеядность была и остается не для меня. Тем не менее, чтобы сказать с полным правом: «я исповедую учение марксизма вполне сознательно», – недостаточно просто пройти основной курс политической экономии и успешно сдать спецсеминар по «Капиталу»³. Необходимо также знать из первых рук, т. е. по первоисточникам, противостоящие марксизму системы взглядов. После этого необходимо суметь ответить на два главных вопроса. Во-первых, что есть особенного в марксизме, отличающего его от других, конкурирующих или прямо враждебных мировоззрений? Во-вторых, надо объяснить, почему это отличие столь важно с точки зрения практической, окружающей нас реальной жизни, и почему именно оно занимает главное место в нашей системе ценностей и определяет наш личный, персональный выбор. Если же эти вопросы никогда не вставали перед человеком, то честнее было бы сказать: «Я чисто формально

³ В советские годы на кафедре политической экономии МГУ под руководством Н. А. Цаголова было организовано преподавание спецсеминара по «Капиталу» К. Маркса, в ходе которого углубленно изучалась методология, т. е. логика построения системы понятий этого произведения. Спецсеминар был заимствован из опыта «Института красной профессуры» (ИКП), некоторые преподаватели которого в свое время, перешли на работу в МГУ. В ИКП спецсеминар продолжал традиции преподавания марксизма в подпольных рабочих кружках при царизме.

считаюсь марксистом. Просто мне вложили в голову именно это учение, и ничего другого я не знаю».

За прошедшие с тех пор годы рухнул советский общественный строй, рассеялся как туман официальный «марксизм-ленинизм», вихрем пронесли рыночные реформы, страну обожгло горячим дыханием гражданских войн и международных конфликтов, по самому краю которых ей приходится идти. Обрушился «железный занавес», и я смог побывать в длительных академических поездках на Западе, из первых рук знакомясь с немарксистской мыслью в эпоху ее, как многим казалось, окончательного триумфа. В западных университетах господство неоклассики (неолиберализма) в ее самых крайних формах стало безраздельным. Не только марксизм, но и сравнительно «мирное» посткейнсианство (соответствующее политической позиции европейской социал-демократии) переживали упадок и вытеснялись далеко на обочину академической жизни. Тем не менее, я вынес из этих поездок крепнувшее убеждение в решающих преимуществах альтернативной и, прежде всего, марксистской мысли. Это вытекало из сопоставления некоторых важнейших идей и представлений, лежащих в самом фундаменте марксизма и современной западной ортодоксии.

Последняя исповедует позитивистское учение об истине, согласно которому научным является только такое знание, которое получено из непосредственных эмпирических наблюдений. Все остальное объявляется «метафизикой», «нормативным знанием», «идеологемами» и т. д. Отсюда не просто тяготение к математическим методам, а злоупотребление ими, характерное для мейнстрима и используемое для придания видимости научности многим чисто идеологическим построениям. Анализ сосредотачивается на количественных аспектах изучаемых проблем. Соответственные экономические знания представляются в виде совокупности количественных методов исследования. Но, поскольку связи явлений принадлежат к области их сущности, а не формы, позитивистское знание неизбежно остается фрагментарным. Знание об экономике предстает в виде хаотического набора данных об отдельных ее сферах. В этом проявляется характерное для позитивизма отождествление формы явлений и их сущности.

Мейнстрим предлагает набор эконометрических функций, отражающих количественно выраженные связи объясняющих и объясняемых переменных для отдельных отраслей или сфер экономики. Эта методология позволяет заменить анализ социальных отношений, складывающихся в экономике, описанием технических факторов хозяйственной жизни. Так, например, доказывается, что распределение в буржуазном обществе определяется производительностью труда и капитала, т. е. рабочие и капиталисты получают доходы строго в соответствии со своим вкладом в производство и, следовательно, никто никого не эксплуатирует. Столь же идеологический характер носят положения о том, что: рыночная экономика, предоставленная своим внутренним силам, якобы, всегда устремляется к равновесию; рынки капитала пере-

распределяют активы в пользу наиболее эффективных собственников; финансовые рынки распределяют риски оптимальным образом, повышая устойчивость экономической системы, и т. д. Как я обнаружил во время своей первой поездки на Запад, уже во второй половине 1990-х годов быстро росла специальная литература о приближении мирового финансового кризиса, отмечавшая устойчивое падение доходности вложений в реальные активы, падение мировых темпов роста, отрыв финансового сектора от реального, которые вели к новой «Великой депрессии»⁴. Хотя эти работы подрывали тезис об эффективности капитализма, их никто не опровергал, и вместе с тем продолжал раскручиваться гигантский маховик неолиберализма по всему академическому миру. Контраст между растущей тревогой специалистов, выражавшейся в специализированных изданиях, и железобетонным оптимизмом ортодоксальной академической науки напоминал «реальный социализм» брежневского разлива⁵.

Марксизм представляет собой противоположный полюс общественной мысли по отношению к либеральному мейнстриму. Это выражается не лозунгами «грабь награбленное», отказом от индивидуальных прав и свобод, ставкой на всеобщее насилие и тому подобным экстремизмом, как это изображается антикоммунистами. Прежде всего, радикальное отличие состоит в другой философской основе, противостоящей позитивизму. Гегельянская диалектическая логика марксизма исходит из несоответствия формы и сущности предмета, в связи с чем и возникает сама потребность в науке. Эмпирическое знание здесь не отвергается, но считается лишь первым шагом научного мышления. Изучаемый предмет является нам в совокупности измеримых и наблюдаемых свойств (форма, видимость), но природа его определяется взаимосвязями с другими предметами окружающего мира (сущность). Эти связи, не будучи даны в непосредственном наблюдении, раскрываются абстрактным мышлением, выделяющим наиболее типичные взаимосвязи конкретного. Анализ выстраивает лестницу все более глубоких понятий, двигаясь от конкретного ко все более абст-

⁴ См., например, блестящую работу на эту тему: Greider W. One World, Ready or Not: the Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon & Schuster, 1997.

⁵ Когда я высказал эти соображения своему коллеге-«демократу» еще задолго до мирового кризиса, он возразил в том духе, что, мол, в любом обществе может быть самодовольство как у нас при Брежневе. Мне пришлось напомнить, что в брежневском СССР был тоталитаризм, а демократия считается эффективным средством приведения политики верхов в соответствие с реальностью и с интересами рядовых людей. Если же интересы правящего класса могут в такой степени подчинять себе науку, что она скрывает нарастание системного кризиса общественного строя, как это происходило в СССР времен «реального социализма» и происходит сейчас на Западе (да и в современной России), то, значит, разница между советским строем и западной демократией не абсолютна, как это предполагает либеральный антикоммунизм.

рактному, т. е. более типичному и глубокому. Объяснение предмета выстраивается, наоборот, от абстрактного к конкретному, т. е. от исходного понятия, образующего всеобщую основу системы категорий, к непосредственно наблюдаемому во всем разнообразии его свойств. Теперь конкретное предстает в совершенно ином виде, чем в эмпирическом начале исследования. Как выражался Гегель, теперь «сквозь форму просвечивает сущность». Тяжесть анализа марксизма лежит в создании системы понятий, отражающих иерархию причинно-следственных связей реального мира, когда явление предстает перед нами в совокупности субординированных факторов, определивших его конкретную форму.

Таким образом, если позитивизм способен, в лучшем случае, лишь описать изучаемое явление, то диалектическая логика требует объяснить его развитие. Если для неоклассики экономика – это совокупность ее отдельных, автономных сфер, развитие которых определяется технологическими факторами, то для марксизма – это органически целостная система, развитие отдельных областей которой определяется господствующими социальными силами и столкновением их интересов. Различие двух мировоззрений можно хорошо увидеть на примере трактовок природы прибыли.

Упомянутая выше «теория предельной производительности» является ярким примером позитивистского мышления неоклассики. Ее адепты рисуют с виду строгие математические функции, в которых производительность выступает как объясняющая переменная, а зарплата и прибыль – как объясняемые. Получается наглядная связь эмпирически наблюдаемых и измеримых величин. Это и есть анализ в пределах *видимости* явления, что и достигается подменой социальных отношений технологическими процессами. Никакая «метафизика», типа прибавочной стоимости и борьбы классов, здесь дело не запутывает, к вящему удовольствию «отказников от измов». Между тем, что производительность труда влияет на *создание* дохода это, как говорится, ему понятно, и притом без всякой математики. Да ведь речь-то идет не об этом. А вот то, что производительность определяет, как *распределяется* созданный доход между трудом и капиталом, – не доказать никакой эконометрикой. В мире, в котором капитал рыщет по всем частям света в поисках не только производительного, но, самое главное, дешевого труда (см. ниже) буквально «аки дьявол, алчущий сгубить невинные души», в котором ради этого монополизируются рынки, беснются биржи, гремят войны и льется человеческая кровь, верить в гладкие математические абстракции теории предельной производительности могут только законченные глупцы или циничные обманщики. Несмотря на обилие первых и широкое предложение вторых, теория прибавочной стоимости Маркса остается не поколебленной и продолжает привлекать самостоятельно мыслящих людей по всему миру. За respectable фасадом капитализма, щеголяющего техническим прогрессом (всеми этими ай-фонами, ай-пэдами и прочими девайсами, как наваждение сменяющими друг друга), она вскрывает его суть, заключенную совсем не в технологиях, а в социальных

отношениях капитала и наемного труда. Как мы покажем ниже, в судьбах современного глобального капитализма технический прогресс сыграл большую роль, но главным образом как процесс, подчиненный поиску наиболее эффективных способов эксплуатации труда. Таким образом, как и во времена Маркса, анализ современного капитализма требует перехода от формы явлений к их сущности, т. е. требует выйти за пределы ограниченного позитивистского подхода.

Сегодня *главным практическим оселком, позволяющим сравнить научную ценность этих двух противоположных и противостоящих друг другу мировоззрений, является их способность объяснить текущий мировой экономический кризис.* Именно этому важнейшему вопросу современной мировой экономической (и вообще, социальной) мысли и была посвящена рассматриваемая конференция в Стамбуле.

Турецкий базар

Поначалу, когда мы с профессором Воейковым первый раз спешили из гостиницы в университет, я не был впечатлен Стамбулом – улицы узкие, трудно двигаться в толпе и все время надо смотреть под ноги, а то споткнешься о булыжник, выступающий из тротуара. Профессор Бузгалин, не раз бывавший в Турции, решил вступить за честь ее столицы: «Это один из самых интересных и загадочных городов мира! Только надо суметь увидеть это», – и в обеденный перерыв первого дня конференции повел нас на турецкий базар. Это было зрелище, достойное внимания. Турецкий базар – нечто гораздо большее, чем просто «место совершения сделок покупок и продаж» (одно из неоклассических определений рынка). Это один из важнейших центров местной жизни, наполняющий существование отдельных людей смыслом и значением. Он занимает огромный квартал неподалеку от университета. По существу, это целый город под крышей. Его мощь чувствуется даже на расстоянии, когда на прилегающих улицах ты попадаешь в людской поток, который сам несет тебя далее к какой-то общей цели, как морское течение. Через ворота этот поток всасывается прямо под крытую галерею рынка. Пройдя через эту горловину, ты попадаешь в другой мир. Здесь тебя сразу подхватывает и несет дальше водоворот рук и ног, смуглых лиц, говора на разных языках, и ты уже против своей воли плывешь среди целого моря самых разных вещей, пестрых как персидский ковер, от которых рябит в глазах.

И чего здесь только нет! Вот пожилой ювелир в живописном восточном халате показывает что-то молодой турчанке, голова и шея которой плотно укутаны в черный платок, так что видна только узкая полоска ее лица. Подойдя ближе, мы видим, что в руках мужчины поблескивают украшения, и он что-то горячо говорит покупательнице, но та смотрит равнодушно и отрицательно качает головой. А вот продавец сладостей с широкой улыбкой на приветливом, полном лице поймал мой взгляд и широким жестом разводит обе руки в стороны, показывая целый прилавок пахлавы, рахат-лукума,

кос-халвы, сладких фруктов и бог знает чего еще. По соседству, в книжной лавке мудрый эфенди (ученый мусульманин-богослов) неторопливо листает какой-то трактат на арабском языке. А там худой старик спокойно лежит посреди небольшого магазинчика на одном из прекрасных восточных ковров, которые продает. Он никого не зазывает и не нахваливает свой товар, его смуглое лицо с выступающими скулами погружено в покой и внутреннее созерцание. С истинно восточной безмятежностью он не тратит силы зря – покупатель именно его товара сам найдет дорогу сюда. «Когда?» – спросите вы. – «То ведомо лишь тому единственному, кто вершит судьбы этого мира». А прямо напротив выстроились в ряд турецкие кальяны. Я и не подозревал, как много может быть их разных видов: простые по конструкции и посложнее, из разноцветного стекла, металлические или из дерева, гладкие или с изящной инкрустацией. Заметив мой интерес, парень-торговец любезно предлагает покурить, протягивая мундштук дымящегося кальяна.

Но в этот момент мое внимание уже не в первый раз привлекает разносчик чая, каких на этом рынке великое множество, один из которых как раз промелькнул мимо. Как и его товарищи, он несет в правой руке поднос со стаканами. Однако он это делает совсем не так, как европейский официант, поддерживающий блюдо снизу раскрытой ладонью. Круглый поднос турецкого разносчика висит на трех струнах из толстой проволоки, которые он держит в руке. Изящные, приталенные стаканчики, больше напоминающие наши рюмки, выстроились аккуратными рядами. В них колыхается жидкость янтарного цвета. Разносчик не стоит на месте и не зазывает покупателей. Вместо этого он, молча, скользит сквозь толпу с хрупкой ношей в руке. Не снует, не идет, не пробирается, а именно скользит! Вот он обошел стайку женщин, столпившихся возле зеленщика, нырнул в группу мужчин, чинно обсуждающих местные новости, и уже мелькнул за грузчиками, волокущими по полу какой-то тяжелый товар. Кажется, что это посланник другого мира, для которого материальные объекты в нашем измерении вовсе не препятствие. Когда наблюдаешь, как он на миг исчезает из виду и вдруг появляется вновь, начинает казаться, что разносчик обладает мистической способностью мгновенно перемещаться в пространстве. Так он будет скользить сквозь толпу до тех пор, пока кто-нибудь не окликнет его. Самое поразительное, что в этих скитаниях по узким улочкам, плотно заставленным людьми и предметами, не проливается ни одна капля драгоценной жидкости. Поднос как будто сам плывет по волнам волшебного эфира, плавно описывая бесконечные повороты, но никогда не теряя своей невидимой опоры. На память приходит представление восточной философии о циклическом, повторяющемся времени, в котором все постоянно возвращается к истоку. Ось этого мира неподвижна, как бы стремительно он сам ни вращался. Вот почему настоящему восточному мужчине, как мудрецу, постигшему тайну жизни, некуда спешить и незачем суетиться...

Однако обеденный перерыв кончается, и нам пора возвращаться в университет.

Природа мирового кризиса

Ярким проявлением позитивизма и присущей ему фрагментарности мышления является неоклассическое видение текущего мирового кризиса. Представители ортодоксии ограничивают его причины чисто финансовой сферой. Действительно, на поверхности экономической жизни кризис предстает как явление в денежно-финансовой области. Так, нобелевский лауреат, известный американский экономист Пол Кругман представил замечательное сжатое и популярное изложение проблемы кризиса с позиций мейнстрима⁶. Несмотря на интересный обзор кризисных явлений в Мексике, Аргентине, Юго-Восточной Азии, США и т. д., он предложил весьма поверхностное объяснение этого всеохватывающего процесса. В основе кризиса он видит развитие сети неподконтрольных государственному регулированию небанковских коммерческих организаций, склонных к т. н. «моральным рискам»⁷. Вкупе с ошибочной политикой денежных властей США (слишком низкие процентные ставки, способствовавшие раздуванию «финансовых пузырей») это вызвало падение доверия инвесторов к финансовым инструментам и спровоцировало панику и спад. Другой популярный автор, пишущий в духе мейнстрима, американский экономист Роберт Шиллер ищет причину финансовых и ипотечных «пузырей» в психологии финансовых спекулянтов⁸. Он применяет модель распространения эпидемических заболеваний для анализа механизма «психологического заражения» финансовых спекулянтов рискованными операциями одного от другого в ходе лихорадки на рынках капитала. Средство предотвращения спекулятивной лихорадки он видит в демократизации финансов, преодолевающей недостаточную прозрачность этой сферы для рядового человека. Указанные соображения Кругмана, Шиллера и многих других сторонников мейнстрима имеют смысл. Современный капитализм породил проблему моральных рисков, спекулятивные лихорадки распространяются как эпидемии, денежные власти ошибаются, и демократизация финансов отнюдь не помешала бы простым людям

⁶ Paul Krugman. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. N.Y. & London: W. W. Norton & Company, 2009. (См. перевод на русский: Пол Кругман. Возвращение депрессивной экономики? М.: ЭКСМО, 2009.)

⁷ «Моральный риск» (moral hazard) означает готовность рисковать чужими капиталами, если последствия возможной неудачи могут быть переложены на третью сторону. Например, если родственник управляющего инвестиционным фондом – министр финансов, то фонд может предпринять высокорискованные спекулятивные операции, рассчитывая в случае неудачи на помощь правительства. Такова же ситуация с крупной финансовой структурой, банкротства которой государство не может допустить, опасаясь катастрофических социальных последствий.

⁸ Robert J. Shiller. The Subprime Solution. How Today's Global Financial Crisis Happened, and What to Do about It. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008.

(если бы «непростые люди» согласились ее осуществить). Однако указанные взгляды имеют очень важную черту – рассматривают лишь внешнюю видимость кризиса, выступающего на поверхности экономических отношений в денежно-финансовой форме. Они не могут проследить более глубокие причины обсуждаемых процессов. Между тем, все эти проблемы – финансовые спекуляции, моральный риск и т. д. – существовали всегда (точнее, сколько существует капитализм). Почему же они породили мировой кризис именно сейчас? Ответить на этот вопрос мейнстрим не может, потому что такой ответ требует перехода от описания внешней формы капитализма к анализу его сущности как социальной системы, а это подрывает самые ценностные основы этого строя. Вот почему марксизм становится сегодня незаменимым руководством для самостоятельно мыслящего человека.

Как показала конференция, марксистский подход предполагает анализ мирового кризиса не как изолированного явления финансовой сферы экономики, а как органической части единого процесса накопления капитала в мировом капиталистическом хозяйстве. В центре подобного анализа всегда лежат отношения труда и капитала. Ниже я суммирую взгляды, представленные по этому вопросу в различных докладах на конференции, а также выраженные авторами этого же круга в их публикациях.

Центр тяжести марксистской концепции современного мирового кризиса лежит в акценте на перенакоплении капитала в реальном секторе и соответствующем падении средней нормы прибыли на капитал. Спекулятивное разбухание финансовых пузырей рассматривается как средство временного преодоления границ накопления капитала в производственной сфере.

С падением советского строя и исчезновением социалистической ориентации в третьем мире произошел многократный рост прямых иностранных инвестиций западных ТНК в развивающемся мире. Пол Кругман в связи с этим отмечает: «Падение коммунизма, уменьшив угрозу радикальной экспроприации, привело к тому, что инвестирование за пределами западной зоны безопасности стало выглядеть менее рискованным»⁹, в результате чего частные инвестиции на периферии мирового капита-

⁹ Далее Кругман продолжает: «В начале 1990-х ставки процента в развитых странах были исключительно низкими, т. к. центральные банки стремились вывести свои экономики из мягкой рецессии, и многие инвесторы отправились за рубеж в поисках более высокой доходности. Быть может важнее всего то, что инвестиционные фонды отчеканили новое название для того, что ранее называлось «Третьим миром» или «развивающимися странами»: теперь это были «складывающиеся рынки» (emerging markets) – новая область финансовых возможностей. Инвесторы отреагировали толпами. В 1990 году приток капитала в развивающиеся страны составлял \$42 млрд., а официальные организации типа Международного валютного фонда и Всемирного банка финансировали больше вложений в Третьем мире, чем все частные инвесторы вместе взятые. К 1997 году, однако, в то время как поток официальных

лизма увеличились впятеро лишь в 1990–1997 гг. Американская исследовательница проблем глобализации Марая Иванова в докладе на конференции отмечает, что «вплоть до конца 1980-х годов перемещение производства в периферийные страны оставалось относительно ограниченным явлением, присущим лишь определенным отраслям и странам. Именно распад советского блока (курсив мой – Р. Д.) положил начало перестройке производства и социальных отношений, позволив транснациональному капиталу преодолеть последние препятствия, мешавшие достигнуть глобального размаха»¹⁰.

Международный капитал стремился извлечь максимальную пользу из переноса производства в регионы с низкой оплатой труда. Известно, что средний рабочий с острова Ямайка получает сегодня вдвое, из Боливии и Индии – втрое, а из Нигерии – вчетверо меньше, чем его американский коллега¹¹. Сам факт переноса производства в регионы дешевого труда находится в кричащем противоречии с основными положениями неоклассического мейнстрима. В самом деле, если прибыль – это всего лишь предельный продукт капитала, и капиталист никоим образом не претендует на доход труда, то не все ли ему равно, сколько получают рабочие? А раз он переносит производство туда, где рабочий обладает минимальными правами, значит, он понимает, что теория предельной производительности предлагается (лохам?) только для отвода глаз, а в практической постановке бизнеса уже не до демагогии, и надо поделовому (хотя и, разумеется, негласно) исходить из правоты Маркса¹².

средств ослаб, поток частного капитала в развивающиеся страны возрос пятикратно, достигнув \$256 млрд.» (Krugman P. The return of depression economics and the crisis of 2008. N.Y. & London: W. W. Norton & Company, p. 78–79).

¹⁰ Ivanova M. Marx, Minsky and the Great Recession. – Istanbul University: Second International Conference in Political Economy, WP, 2011, p. 14–15.

¹¹ Rodrick D. Labour markets: the unexpected frontier of globalization // The Globalist. 2011. May 31, available at:

<http://www.theglobalist.com/printStoryId.aspx?StoryId=9156>

¹² Об этом блестяще сказал в свое время неортодоксальный большевик Виктор Серж: «Противники рабочего класса широко ассимилировали вклад марксизма. Правители, промышленные и финансовые воротилы, вожак толпы заставляют иной раз жечь труды Маркса и бросать марксистов в тюрьму, но социальную реальность они понимают ничуть не хуже марксистских экономистов и политиков. И ежели оплачиваемая ими профессура опровергает теорию прибавочной стоимости, то они с не меньшей энергией и твердостью отстаивают долю, изымаемую богатыми классами из дохода общества. Марксизм неизреченный врагов социализма становится, возможно, одним из самых грозных средств защиты привилегированных классов» (В. Серж. Сила и пределы марксизма / Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. Материалы международной научной конференции (Москва, 29–30 сентября 2001 г.). М.: ИПЦ «Праксис», с. 129–130).

В результате деиндустриализации развитых капиталистических стран произошло шоковое расширение фонда рабочей силы, вовлеченной в обслуживание мирового капиталистического рынка. За 1990-е годы 1,47 млрд. рабочих из Китая, Индии и бывшего СССР пополнили глобальный рынок труда, удвоив его¹³. Именно благодаря этому и стало возможно столь масштабное сокращение сферы материального производства в странах центра, о котором часто говорят как о проявлении «постиндустриального общества».

Радикально изменилась структура экспорта стран периферии в страны центра мирового капитализма, в которой традиционно доминировали сырье и сельскохозяйственная продукция. Положение резко изменилось в последние десятилетия – доля промышленной продукции в экспорте периферии выросла с 20% в 1980 г. до 80% в 2003 г.¹⁴

Миграция производства на периферию мирового капитализма изменила облик современной ТНК. Если традиционно ее главным звеном было производство, то теперь произошел «сброс» производственных активов за рубеж (знаменитый «аутсорсинг»). Однако т. н. «ключевые компетенции» остались закреплены за головной компанией. Это явление получило название «цепочек стоимости», когда единый процесс производства разбивается на отдельные звенья, осуществляемые в разных странах. При этом операции, создающие высокую добавленную стоимость, по-прежнему сосредоточены в головной ТНК, а «дешевые» – передаются за рубеж. Например, НИОКР, маркетинг, разработка продукции, продвижение, продажи и послепродажное обслуживание и другие подобные операции остаются за ТНК. На сторону, т. е. в страны с низкой оплатой труда, передано лишь производство. При этом все чаще западные ТНК не владеют никакими производственными активами вообще. Часто они предпочитают просто покупать промежуточный продукт у поставщиков из третьего мира, избавляясь от необходимости делать производственные инвестиции, осуществлять управление персоналом и т. д.

Важнейшая особенность подобной структуры «цепочек стоимости» состоит в том, что ТНК выступают на рынках периферии как монополисты, точнее, как олигополия (т. е. власть немногих покупателей), в то время как поставщики вынуждены вести острую конкурентную борьбу между собой. (Один этот факт многое говорит об идеологическом смысле воспевания «свободного рынка».) Это важнейшее обстоятельство выступает определяющим фактором относительного падения цен на промежуточ-

¹³ Freeman, R. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // The Globalist. 2010. 5 March, available at <http://www.theglobalist.com/printstoryid.aspx?StoryId=4542>

¹⁴ Blecker R. & Razami A. Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? // American University, Department of Economics, WP 2006–06, p. 45.

ную продукцию, импортируемую странами центра. Обратимся к таблице 1, в которой отражена динамика инфляции, денежной массы и цен импорта в США.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста цен и денежной массы в США

Годы	1986-1990	1991-1995	1996-2000	2001-2006
Потребительские цены	4,43%	3,54%	2,38%	2,14%
Цены импорта	5,36%	2,02%	- 1,37%	0,70%
Предложение денег (M2)	5,65%	1,84%	8,62%	6,19%

Источник: Milberg W., 2008, Shifting Sources and Uses of Profits, CEPNS-CEPA WP, p. 13.

Мы видим, что рост цен потребительских благ резко снизился именно тогда, когда денежная политика была ослаблена, зато упали цены импорта относительно внутренних цен. Эти расчеты показывают, что ограничительная политика вовсе не была главным фактором рекордного падения инфляции в США в последние годы. Этим главным фактором стала эксплуатация мировой периферии.

В результате произошел рост доли прибыли в ВВП США и остальных развитых стран. Однако этого нельзя сказать о доле заработной платы. По некоторым оценкам, стремительное расширение мирового рынка труда в последние два-три десятилетия привело к снижению капиталовооруженности труда в мире в целом на 55–60%¹⁵. Это означает резкое изменение баланса сил между трудом и капиталом в пользу последнего, т. к. теперь гораздо большее число рабочих конкурирует за одно рабочее место. В результате оказалось подорвано положение наемного труда во всем мире. Это касается профсоюзов и системы социальных гарантий наемных работников. По существу, западное общество разорвало тот «социальный контракт», который оно заключило с наемными работниками в годы послевоенного «золотого века капитализма»¹⁶. Это выразилось, в частности, в стагнации реальной заработной платы в странах центра. Так, в 2005 г. средняя реальная заработная плата американского рабочего, не принадлежащего к контролирующему персоналу (nonsupervisory worker), была на 8% ниже, чем в 1973 г. (в ценах 2005 г.). За этот же период средняя производительность труда по промышленности США выросла на 85%¹⁷ (По этому важнейшему факту, который не обсуждается неолиберальной литературой,

¹⁵ Freeman, R. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // The Globalist. 2010. 5 March, available at <http://www.theglobalist.com/printstoryid.aspx?StoryId=4542>

¹⁶ Kapstein E. Workers and the world economy // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. No. 3.

¹⁷ Pollin R. Global outsourcing and the US Working Class // New Labor Forum. 2007. Vol. 16. No. 1, p. 122.

читатель может сам судить о том, определяется ли зарплата в реальной жизни предельным продуктом труда или законом прибавочной стоимости.) В результате подобных процессов доля заработной платы в ВВП стран-членов ОЭСР резко снизилась¹⁸. О том, что рабочие стран периферии получают в разы меньшую заработную плату, чем их американские коллеги, речь шла выше.

Известно, что именно спрос наемных работников является главным фактором, определяющим емкость потребительского рынка, от которого, в конечном счете, зависит и спрос на капитальные блага. Систематическое отставание заработной платы от развития производственных мощностей порождает недостаток совокупного спроса относительно совокупного предложения на мировом рынке. Это ведет к закономерному падению темпов роста мировой экономики¹⁹. Результатом становится низкая загрузка производственных мощностей²⁰. По этой причине падает норма чистой прибыли в промышленности развитых стран. Падают и мировые инвестиции и сбережения как процент от мирового ВВП²¹.

Падение доходности реальных активов является красноречивым свидетельством *перенакопления капитала*, наступившего в результате индустриализации периферии мирового капитализма. Как и во времена Маркса, это перенакопление является относительным. Его причина в недостатке совокупного платежеспособного спроса, наступившего в результате усиления эксплуатации мирового рабочего класса. Именно на этом фоне и началась т. н. «финансиализация» мировой экономики.

Под этим термином понимают перетекание капитала из производственной сферы в область финансовых спекуляций. Этот процесс имеет множество проявлений. В частности, речь идет о стремительном росте котировок акций нефинансовых корпораций, оторвавшихся от динамики реальных активов. Факты говорят о том, что американские компании нефинансового сектора используют резко возросшие прибыли от эксплуатации периферии мировой экономики для финансовых, спекулятивных вложений в небывалых масштабах. Традиционно, т. е. во времена «золотого века» капитализма, примерно 30% прибылей компаний направлялось на выплату дивидендов, а 70% – на финансирование производственных инвестиций. В 2000-е годы все переме-

¹⁸ Ellis L. & K. Smith, 2007, BIS WP 231, The global upward trend in the profit share, p. 4.

¹⁹ Brenner R., 2009, What is Good for Goldman Sachs is Good for America. The Origins of the Present Crisis, Center for Social Theory and Comparative History UCLA, p. 8.

²⁰ Mohun S. Aggregate capital productivity in the US economy, 1964–2001 // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33, p. 1032.

²¹ Brenner R., 2009, What is Good for Goldman Sachs is Good for America. The Origins of the Present Crisis, Center for Social Theory and Comparative History UCLA, p. 10.

нилось. С началом мирового кризиса на выплаты дивидендов и выкуп акций использовались абсурдные 90% внутренне накапливаемых фондов²². Это необходимо для повышения курсовой стоимости акций. В результате претерпела резкие изменения структура активов нефинансовых корпораций. Более половины этого показателя составляют теперь финансовые активы, на которые ранее приходилась скромная доля.

Кроме прибылей, репатрируемых корпорациями центра в страны базирования, источником финансиализации является массовый вывоз капитала из стран периферии. Страны центра, прежде всего Северная Америка, держат свои богатства дома, тогда как страны периферии и полупериферии – за рубежом²³. Главной сферой приложения «свободных» капиталов в мире, основанном на господстве американской валюты, являются ценные бумаги США. Механизм этого процесса вытекает из самой природы глобального капитализма, основанного на эксплуатации периферии центром.

Для поддержания конкурентоспособности на высококонкурентном мировом рынке поставок индустриальной продукции в центр необходимо поддерживать заниженный курс национальной валюты. Между тем, активное сальдо платежного баланса с США ведет к притоку долларов на национальный рынок периферийной страны. Предложение национальной валюты относительно доллара понижается, и ее курс в долларовом выражении растет. Одновременно растут в долларовом выражении зарплата периферийной страны и, следовательно, ее издержки производства. Результатом становится падение конкурентоспособности национальной продукции перед лицом конкуренции стран с более низким курсом валюты. Для предотвращения подобного хода событий необходимо скупать «лишние» доллары, изымая их с национального валютного рынка. Поскольку нельзя вложить эти доллары в свою экономику, не ухудшив платежный баланс, то самой надежной альтернативой выступает помещение их в доходные ценные бумаги США. Таким образом, обогатившись путем прямой эксплуатации дешевой рабочей силы периферии, центр мирового капитализма, прежде всего США, продолжает обогащаться и путем косвенной эксплуатации через доступ к сбережениям тех же стран.

В условиях стагнации или даже падения трудовых доходов в США рост потребления этой страны поддерживался за счет всемерного наращивания всех видов задолженности: государственных заимствований, корпоративного долга, потребительского кредита. Источником этого типа экономического роста выступали финансовые

²² Milberg W. and Winkler D. Financialisation and the dynamics of offshoring in the USA // Cambridge journal of economics. 2010. No. 34, p. 288.

²³ Aerni V., de Juniac Ch., Holley B., and Nang T. Tapping Human Assets to Sustain Growth. Global Wealth 2007. Boston, MA: Boston Consulting Group, 2007, p. 14.

инвестиции периферии. Данные показывают, что для индустриально развитых стран характерно падение сбережений и инвестиций при росте отрицательного сальдо торгового баланса²⁴. Это и есть отражение деиндустриализации центра, который теперь импортирует промышленную продукцию с периферии. Последняя создает сбережения за счет активного сальдо торгового баланса, чтобы поместить их в ценные бумаги США. Таким извращенным способом современный мировой капитализм пытался преодолеть ограничения накопления капитала, наложенные эксплуатацией периферии.

Именно в такой противоестественный симбиоз вступили американская и китайская экономики. Данные свидетельствуют не только о стремительном росте вложений Китая в финансовые активы США в 2000-е годы, но и преобладании инвестиций в т. н. «поддерживаемые государством частные предприятия», прежде всего, печально знаменитые «Фредди Мак» и «Фанни Мэй»²⁵. Эти фонды инвестируют деньги клиентов на рынке ипотечного кредитования. После обвала рынка акций компаний информационных технологий США «.com», Китай стал вкладывать средства в рынок недвижимости. Именно приток средств из Китая стал главным источником стремительно раздувшегося «пузыря» ипотечного кредитования.

Показательно соотношение динамики платежного баланса США и задолженности американских домохозяйств. Именно на период увеличения дефицита платежного баланса приходится рост долгов домохозяйств²⁶. Это происходит потому, что, как уже сказано, средства, заработанные странами периферии на экспорте в США, канализируются разветвленной финансовой системой в кредитование потребительского спроса американцев.

Таким образом, невиданное в человеческой истории расширение масштабов капиталистической эксплуатации труда, наступившее в результате краха советского строя, лежит в основе текущего кризиса мировой экономики. Отставание заработной платы от развития мировых производительных сил породило классическое перенакопление капитала на периферии. Капитализм попытался преодолеть эту проблему путем искусственного стимулирования спроса центра за счет наращивания задолженности, поглощающей львиную долю сбережений периферии. Именно это и создало предпосылки для финансиализации и последующего кризиса.

Как видим, марксистская концепция кризиса находит место для обсуждения техники современных финансов, но, в отличие от мейнстрима, она предлагает ее объяснение, вытекающее из фундаментальных основ капитализма, как общества эксплуатации наемного труда.

²⁴ IMF, "Global Imbalances: A Saving and Investment Perspective," World Economic Outlook April 2005, p. 92.

²⁵ Jagannathan R., Kapoor M., and E. Schaumburg. Why are we in a recession? The financial crisis is a symptom, not the disease! // NBER WP 15404, 2009, p. 16.

²⁶ Ibid., p. 17.